

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ

DOI: 10.17805/zpu.2017.1.22

Франко Моретти: между марксизмом, поэтикой и структурализмом

В. П. ТРЫКОВ

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Рецензия на издание: Моретти Ф. Буржуа: между историей и литературой. М. : Издательство Института Гайдара, 2014. 264 с.

Ключевые слова: Ф. Моретти; неомарксизм; структурализм; постмодернизм; эссеизация; буржуазная культура

В 2014 г. в издательстве института Гайдара вышла книга современного итальянского ученого Франко Моретти «Буржуа: между историей и литературой» (Моретти, 2014). В аннотации автор представлен как «выдающийся итальянский литературовед». Зная склонность современных издателей к преувеличениям значимости тех явлений культуры, которые они продвигают на книжный рынок, к этому определению статуса ученого можно было бы отнестись с известной долей настороженности, делая поправку на маркетинговые задачи. Однако знакомство с книгой Моретти убеждает в значительности фигуры ее автора.

Книга интересна в нескольких отношениях: и как глубокое историко-литературное исследование, и как размышление автора о судьбах буржуазной культуры, и как слово ученого о современности.

Название книги провокативно. Как справедливо отмечает Моретти, слово «буржуазия» почти исчезло из современного лексикона, уступив место обтекаемому и семантически расплывчатому «средний класс». Слово «буржуазия» идеологически окрашено и отсылает к марксистской парадигме. Моретти в отличие от многих современных интеллектуалов это не пугает. Напротив, он не только выносит его в название, но и неоднократно упоминает имена Маркса и неомарксистов Лукача, Альтюссера, Грамши, ссылаясь на их работы, цитирует их на страницах своей книги.

Марксистская «закваска» сказалась на методологии работы. Моретти определенно не близок постструктуралистский тезис об «автономности», «нереференциальности» литературы и являющаяся его неизбежным следствием техника интертекстуального анализа, которая предполагает, что текст отсылает не к реальности, а к другому тексту, хранит в себе его «следы», цитации, аллюзии и реминисценции. Напротив, в книге Моретти литература рассматривается как репрезентация внелитературных, социокультурных феноменов. «Эстетические формы представляют собой структури-

рованные ответы на социальные противоречия...» — утверждает итальянский ученый (там же: 28). Такой подход обеспечивает широту взгляда, предполагает вписывание литературных явлений в социально-исторический, культурный и литературный контекст. Реалистический роман XVIII–XX вв. исследуется в книге как эстетический аналог важнейших констант буржуазной культуры, а его динамика на протяжении двух столетий — как отражение тех трансформаций, которые она переживала. По мысли Моретти, поэтика (или, если использовать терминологию автора, «риторика») буржуазной прозы со свойственными ей аналитизмом, интересом к обыденности, вкусом к детали и подробным описаниям, континуальностью, линейностью, стремлением к объективности и точности, неспешностью ритма является отражением таких ценностей буржуазной культуры, как рациональность, серьезность, основательность, трудолюбие, самоограничение. «Буржуазное существование и консервативные убеждения: вот фундамент реалистического романа от Гете до Остин, Скотта, Бальзака, Флобера, Манна (Теккеря, Гонкуров, Фонтене, Джеймса...)» (там же: 133).

Вместе с тем отметим, что литература взята у Моретти не как простая иллюстрация классовых противоречий и классовой борьбы и писатель предстает не просто носителем идеологии определенного буржуазного слоя, находящей отражение в его произведениях, как это зачастую имело место в трудах литературоведов-марксистов и особенно в работах представителей вулгарного социологизма. Литература рассматривается как опосредованное отражение базисных явлений. Да и сами эти базисные явления не редуцируются к экономическим феноменам. По признанию автора, он видел свою задачу в том, чтобы исследовать сквозь призму буржуазной прозы «особенности буржуазной культуры, находящиеся в скрытом и порой глубоко захороненном измерении языка: “ментальность”, образованная бессознательными грамматическими паттернами и семантическими ассоциациями, а не ясными и четкими идеями» (там же: 35). Очевидно влияние на Моретти психоанализа с его интересом к структурам бессознательного и школы «Анналов», изучавшей историю ментальностей.

Итальянский ученый, несомненно, освоил наследие структурализма, что проявилось не только в анализе структуры буржуазного сознания, но и в использовании количественных методов изучения материала (например, наблюдения Моретти над частотностью употребления герундия прошедшего времени в «Робинзоне Крузо» Дефо) (там же: 79). Не исключено, что Моретти знаком с научным наследием французского ученого, одного из наиболее известных французских представителей литературоведческого неомарксизма, основоположника так называемого генетического структурализма Люсьена Гольдмана, автора книги «Бог сокровенный» (1955), в которой творчество Паскаля и Расина рассматривалось как выражение идеологии французской аристократии XVII в. Хотя прямых упоминаний имени основоположника «генетического структурализма» в книге не встречается, понятие «ментальность» у Моретти отчасти соотносимо с гольдмановским понятием «видение мира» (*vision du monde*), носителем разрозненных элементов которого, по Гольдману, является не отдельный индивид, но общественный класс. Функция великого писателя состоит в том, чтобы собрать эти отдельные элементы в единое целое, создать художественную структуру, которая становится средством самоидентификации представителей того или иного класса.

Гольдман считал, что литературное произведение является ответом на определенную социальную ситуацию и выражает не творческую индивидуальность писателя, а установки, стремления, ценности общественной группы, класса. С этой его идеей перекликается уже приводимая выше фраза Моретти: «Эстетические формы представ-

ляют собой структурированные ответы на социальные противоречия...». Отличие от Гольдмана заключается в акцентировании поэтологического аспекта изучения литературного произведения. «У Гольдмана же эстетическая специфика литературы изолируется, отодвигается куда-то на периферию, и художественное произведение функционирует в его системе скорее как кристаллизация взглядов определенной социальной группы» (Ржевская, 1985: 79). Для Моретти, несомненно, важна социальная и историческая основа литературных трансформаций, но явленная прежде всего в структуре литературного произведения. Так, например, констатируя «разрыв нарратива» в «Робинзоне Крузо», странный на первый взгляд рецидив в финале романа к «поэтике приключений», Моретти объясняет его рудиментами психологии буржуа раннекапиталистической эпохи. «...Такова историческая основа “двух Робинзонов” <...>: Остров дает первое представление о трудолюбивом господине современного времени; море, Африка, Бразилия, Пятница и другие приключения становятся рупором более старых, но не отброшенных полностью форм капиталистического господства» (Моретти, 2014: 55).

Вообще сохранение иррационального элемента в структуре по преимуществу рационального буржуазного сознания — важнейшая тема книги. «Что буржуазия принесла в мир? Это безумное расхождение между гораздо более рациональным и гораздо более иррациональным управлением обществом» (там же: 254). Та же тема звучит в рассуждениях Моретти о викторианстве с его антиинтеллектуализмом и культурой сентиментальности. То же в его выводе о «радикальной инфантилизации национальной культуры», «поражении веберовского “расколдовывания мира”» на современном этапе развития буржуазного общества, проявляющейся в смеси «невероятной научной безграмотности и религиозных предрассудков», в «антиинтеллектуализме “полезного” знания и значительной части политики в области образования» (там же: 40). «...Рациональный буржуа так никогда по-настоящему и не преодолел свои иррациональные импульсы, не выдавил из себя хищника, которым некогда был» (там же: 56). Похоже, Моретти пугает это так и не преодоленное структурное противоречие буржуазного сознания, так как оно представляется ему прологом возможных потрясений. Идеал автора — тотальное торжество рациональности.

Однако книга Моретти сама иногда соскальзывает с пути строгой рациональности, изменяет той серьезности, которую Моретти так ценит в буржуазной культуре. При всем блеске эрудиции автора, широте взгляда, аналитизме его выкладок, аргументированности в книге встречаются странные для серьезного научного труда вкрапления. Например, автор считает возможным процитировать вопрос его студентки об ибсеновской «Дикой утке»: «Зачем вы засунули нас в эту маленькую коробочку, где все не правы» (там же: 240). Моретти как будто боится показаться тяжеловесным, академичным. Он избегает специальной, непонятной для непосвященных терминологии, открыто декларирует, что терминология не важна, важны смыслы, хотя очевидно, что в любом научном труде термины суть конденсаторы смыслов. Моретти трудно противостоять наметившейся и набирающей силу в современном литературоведении под влиянием постмодернизма тенденции к эссеизации научного дискурса.

Несомненен литературный талант Моретти: он пишет ясно, легко, емко, совершает умелые переходы из одного исследовательского регистра в другой, с микроуровня текста на макроуровень культуры, от тонкого филологического анализа «ключевых слов», эпитетов викторианской прозы, отдельных понятий, персонажей, сюжетных ходов, повествовательной техники к широким рассуждениям литературоведческого

и культурологического характера о динамике реалистического романа и буржуазной культуры в целом. История буржуазного сознания, увиденная сквозь призму европейского романа XVIII–XX вв., подводит Моретти к разговору о современности. Он декларирует «триумф капитализма и смерть буржуазной культуры» во второй половине XX — начале XXI в., когда капитализм пережил существенные трансформации в условиях потребительской цивилизации. Общественный консенсус оказался обеспечен вещами, а не принципами и ценностями (там же: 38).

Между тем книга Моретти — апология буржуазной культуры периода классического капитализма, рассказ о ее невероятной гибкости, живучести, потенциале к трансформации. Неслучайно книга была так оперативно переведена и издана Институтом Гайдара. Лишь одно серьезно беспокоит Моретти: неизжитый иррациональный элемент и деструктивный потенциал буржуазного сознания. В рациональном господине и джентльмене живет «современный тиран», «созидательный разрушитель». «Капиталистическая мегаломания», вдохновляемая «поэзией капиталистического развития», грандиозными проектами по переустройству мира, провоцирует гордыню, перед которой оказывается бессилён буржуазный рационализм. И это вызывает серьезные опасения автора книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Моретти, Ф. (2014) *Буржуа: между историей и литературой*. М. : Издательство Института Гайдара. 264 с.

Ржевская, Н. Ф. (1985) *Литературоведение и критика в современной Франции. Основные направления. Методология и тенденции*. М. : Наука. 270 с.

Дата поступления: 15.12.2016 г.

FRANCO MORETTI: COMBINING MARXISM, POETICS AND STRUCTURALISM

V. P. TRYKOV

MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY

This is a review of: Franco Moretti: *burjua: mejdu istoriji i literaturoi* (Bourgeois: between history and literature). — Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaidara, 2014. —264 p.

Keywords: F. Moretti; neomarxism; structuralism; postmodernism; essayisation; bourgeois culture

REFERENCES

Moretti, F. (2014) *Burzhua: mezhdu istoriei i literaturoi*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 264 p. (In Russ.).

Rzhevskaja, N. F. (1985) *Literaturovedenie i kritika v sovremennoi Frantsii. Osnovnye napravleniia. Metodologija i tendentsii*. Moscow, Nauka. 270 p. (In Russ.).

Submission date: 15.12.2016.

Трыков Валерий Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета, академик Международной академии наук (Инсбрук, Австрия). Адрес: 119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1. Тел.: +7 (495) 735-59-48. Эл. адрес: v.trykoff@yandex.ru

Trykov Valery Pavlovich, Doctor of Philology, Professor, Department of World Literature, Moscow Pedagogical State University; Full member, International Academy of Science (Innsbruck, Austria). Postal address: 1 Malaya Pirogovskaya St., 119435 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 735-59-48. E-mail: v.trykoff@yandex.ru